

УДК 165.172
ББК 60.025.21
О – 28

Рецензенты:

доктор философских наук Ю.В. Грицков
кандидат философских наук А.П. Павлов

Труфанов Д.О., Феньвеш Т.А., Стариков П.А.

Общество, культура, творчество в контексте проблемы социальной рациональности: монография / Д.О. Труфанов, Т.А. Феньвеш, П.А. Стариков. – Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2010. – 140 с.

ISBN 978-5-904314-19-4

В коллективной монографии общество, культура и творчество рассматриваются сквозь призму проблемы социальной рациональности. Авторы формируют версии рациональности в контексте новых познавательных моделей современной социологии и философии.

Научный труд адресован специалистам в области гуманитарных наук, аспирантам, студентам гуманитарных специальностей, а так же широкому кругу заинтересованных читателей.

Введение, глава 1 – канд. социол. наук Д.О. Труфанов; глава 2 – канд. филос. наук Т.А. Феньвеш; глава 3 – канд. филос. наук П.А. Стариков; послесловие – канд. филос. наук Д.Е. Григоренко.

Рекомендовано к изданию Советом филиала СПб ИВЭСЭП в г. Красноярске 6-го мая 2010 года, протокол № 7.

УДК 165.172
ББК 60.025.21

© Филиал НОУ ВПО «СПб ИВЭСЭП»
в г. Красноярске, 2010
© Д.О. Труфанов, Т.А. Феньвеш,
П.А. Стариков, 2010

ISBN 978-5-904314-19-4

**ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ТВОРЧЕСТВО
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

Коллективная монография

Красноярск 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие: проблема социальной рациональности в современной философии (Д.Е.Григоренко).....	4
Введение.....	14
Глава 1. Социальная рациональность как методологическая проблема в социологии. Постнеклассический подход (Д.О.Труфанов).....	16
Глава 2. Социально-антропологические аспекты рациональности в контексте философии русского космизма (Т.А.Феньвеш).....	65
Глава 3. Творчество и рациональность (П.А.Стариков).....	111

ПРЕДИСЛОВИЕ: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Проблематика, исследуемая авторами монографии в течение долгого времени занимает одно из первых мест в ряду актуальных тем философского и социологического теоретизирования. Связанный с ней мыслительный дискурс находится на пике актуальности, поскольку рациональность (как и иррациональность) – одно из важнейших оформлений социального бытия. Есть факт – есть и изучение этого факта (иначе к чему все наши философские «изыскания», если они не направлены на познание жизни, с нею не связаны...).

В данной монографии обосновывается идея о социальной рациональности, выступающей в качестве «...любого рефлексивного акта индивидуального или группового субъекта социального действия, осуществляемого с помощью вербальных средств коммуникации». Факт вхождения индивида в группу, о котором пишут авторы, предполагает, что посредством социализации его самосознание приобретает чисто социальные качества, раскрывающие специфику определенного общества. В свою очередь, рациональность как важный элемент самосознания индивида также во многом формируется на основе особенностей общества¹, в котором он живет. Каждое общество имеет свою типологическую культурно-цивилизационную специфику, накладывающую отпечаток на его основные определения.

¹ Различие обществ, отраженное в их классификации на определенные типы и складывающееся исторически сформировавшимися условиями его жизни (духовными, географическими, геоклиматическими и геополитическими факторами) – социально-исторический факт. Недавно этот факт был признан на высшем уровне руководства образования. В ГОСТе философии как учебной дисциплине наконец появилось требование к различению типов общества. Это, по сути, совершенно новый подход - на фоне многих десятилетий господства марксистской догмы об «одинаковости» обществ, потрясающей по уровню европоцентристской самоуверенности (все страны, «непохожие» на «передовой Запад», - просто отстающие).

В числе прочих (характер соотношения социальных институтов, социальных норм, тип социального прогресса, тип общественного сознания и т.д.) данная специфика отражается в особенностях модели мира и присущей ей рациональности, свойственных общественному сознанию общества того или иного типа.

В общественном сознании народов западного мира исторически сложилась выверенная веками метафизическая (универсумная, универсалистская) модель мира и соответствующий ей технологический тип социальной рациональности. Эти модель мира и тип рациональности адекватны жизни индивидуалистического общества. Их идейная основа выражается в принципе антропоцентризма, раскрывающемся в идее о человеке как центре мироздания, который освобожден от всяких «внечеловеческих» ограничений. Эта идея подробно исследована в целом ряде работ отечественных и зарубежных ученых. К числу основных определений, выявляющих антропоцентрический характер технологической рациональности, относятся: индивидуализм, идея отвлечения (освобождения) от всеобщей связи, дуализм, плюрализм, главенство правовых норм, ценностный подход, свободы выбора морали, выбора религии, идеологии, выбора модели поведения, свобода воли.

Плюрализм как один из важных стандартов технологической социальной рациональности детально раскрыт авторами монографии. Они показывают многообразие версий-пониманий природы рациональности, свойственное для западной науки (впрочем, и для российской, практически полностью освоившей западничество, которое в условиях России выступает в качестве парадигмы научной беспочвенности): 1. Рациональное как логически обоснованное. 2. Рациональное как «предмет, явление, действие, в основании которых лежит закон, формообразование, правило, порядок, целесообразность». 3. Рациональное как эффективное. Авторы отмечают также такие определения рационального: рациональное как оформленное, рациональное как соответствующее определенной системе ценностей,

рациональность как умопостигаемость объективно всеобщего и другие существующие значения рациональности. Всеобщий плюрализм, господствующий в рамках метафизического теоретизирования, полностью подчиняет себе и проблему социальной рациональности...Здесь необходимо указать на истоки метафизического плюрализма *вообще*, заключающиеся в принципе агностицизма (сущность бытия непознаваема, поэтому «сколько людей, столько и истин», – основа-основ дуалистического метода метафизики).

В соответствии с принципом индивидуализма любой элемент социальной рациональности в рамках западного (метафизического) теоретизирования раскрывается как «свободный объект», исторгнутый из всеобщей связи явлений (природных, социальных). Следовательно, технологическая рациональность направлена на покорение общества в рамках реализации эгоистических интересов тех или иных антропоцентрически настроенных индивидов или групп, оказавшихся у власти или диктующих ей свою волю. Технологическая социальная рациональность, как и прочие идеальные конструкты метафизики (идеи идеальной машины, абсолютно черного тела, идеального газа и т.п.), подчиняется двум императивам: императиву существования и императиву долженствования. Первый предполагает, что если в обществе осуществима определенная система социальной рациональности, то общество приобретает черты своего реального существования. В данном случае ясно, что рациональность понимается как нечто оторванное от реальной жизни общества и лишь в той или иной степени правдоподобности репрезентирующее её. Императив долженствования указывает на то, что если в общество удалось реализовать ту или иную произвольно избранную систему рациональности, то был смысл создавать последнюю. На первый план в рамках этих императивов выходит идея утилитарной полезности, т.е. ценностный, антропоцентрический аспект рациональности.

Мотив утилитаризма здесь не случаен. Он, прежде всего, предполагает свободу индивида удовлетворять свои потребности. Этот мотив является основой технологической социальной рациональности. Потребительское отношение к миру восходит к древнейшей метафизической традиции понимания материального мира как Универсума², своего рода иллюзии, тени, химеры. Универсум предстает как изначально несовершенная реальность. Эта философская линия чётко прослеживается: от элеатов – к софистам, от софистов – к схоластам, номиналистам, реалистам и гуманистам, а далее – к европейской метафизической философии. Ещё Парменид разделил бытие на умопостигаемое (истинное) и материальное, изменное (неистинное). Здесь корни дуализма. Именно такое дуалистическое понимание бытия стало основой утилитаризма, как важного стандарта социальной рациональности метафизики. Мир как Универсум является «мёртвым механизмом», поскольку он не содержит в себе совершенства истинного бытия, как источника жизни. В данной связи, мир предстает в качестве сугубо потребительской, ценностной реальности. С точки зрения неоминализма никакого совершенства в мире нет и быть не может («мир такой, какой он есть»). Неореалисты же утверждают, что мир оторван от своей совершенной Сущности, поэтому он имеет изначально вырожденный характер. Человек в рамках этой модели мира предстает как единственно подлинное звено бытия, что и выражается в метафизическом принципе антропоцентризма. Антропоцентризм стал идейной основой западной технологической цивилизации. Он находит свое главное проявление в идее насилия над природой и в абсолютизации человеческой свободы. Свобода – главная категория в рамках метафизических социальной рациональности.

Технологическая социальная рациональность имеет две основные версии, обоснованные неоминалистским и неореалистским сущностными подходами. Первая версия (неоминалистская) основана на понимании

² Именно такую терминологию использовали древнеримские мыслители, придерживавшиеся рационалистического подхода в философии (Цицерон и др.). К сожалению, незнакомые с философской спецификой категорий «Универсум» и «Космос» переводчики их трудов представили категорию «Универсум» просто как «Вселенная», что в корне искажает ее смысл.

системы рациональности в качестве теоретической репрезентации технологии создания наиболее благоприятных условий для осуществления свободы индивидов и стихийных общественных процессов. Данная технология имеет философское обоснование в «понятии независимого Я», представляющем собой типичный идеальный конструкт-репрезентацию. Это понятие «сконструировано» теоретиками либерализма с целью использования его в качестве орудия произвола, направленного на удовлетворение потребностей индивида. «Независимое Я» замещает собой (репрезентирует) реально существующую личность, которая немислима вне всеобщей связи природных и социальных явлений. В мысли либеральных теоретиков (неоминалистов) понятие «независимого Я» предстает как основа новой «моральной вселенной, в которой это Я обитает» (Сэндел, М. Дж. Либерализм и пределы справедливости [Текст] : пер. с англ. / М. Дж. Сэндел // Современный либерализм / Дж. Ролз [и др.] – М., 1998. С. 208-209). Ясно, что такое «Я» не обязано учитывать космическую необходимость, законосообразность бытия, будучи оторванным от него и исторгнутым из всеобщей связи явлений. «Независимое Я» в процессе формирования своей социальной рациональности «конструирует» новую вселенную (универсум) и наделяет его произвольно избранными ценностно-потребительскими смыслами. «В отличие от классических греческих и средневековых христианских представлений, вселенная деонтологической этики – это пространство, лишенное внутреннего смысла, мир, «освобожденный от чар», говоря словами Макса Вебера, мир без объективного нравственного порядка... Только в мире, не подчиненном целесообразному порядку, принципы справедливости становятся предметом человеческого конструирования, а представления о благе – предметом индивидуального выбора... Там, где ни природа, ни космос не несут в себе внутреннего порядка, который может быть схвачен в понятиях, там конструирование смысла (в рамках социальной рациональности. – Д.Г.) выпадает на долю самих людей... Если что то нельзя обнаружить, его остается только каким-то

образом создать... Именно в этой волюнтаристской способности создавать практические предписания напрямую, без обращения к познанию и обнаруживает практический разум свое преимущество над теоретическим» (Сэндел, М. Дж. Либерализм и пределы справедливости [Текст] : пер. с англ. / М. Дж. Сэндел // Современный либерализм / Дж. Ролз [и др.]. – М., 1998. С. 208-209). Основным условием превращения человека в центральное звено бытия является освобождение его от законов естества (природного, социального, антропоного). В данной связи, общество, состоящее из деонтологических («антропоцентрических») субъектов, по природе склонно к эмансипации. «Деонтологическая вселенная и обитающее в ней независимое Я, вместе взятые, задают перспективу освобождения. Освобожденный от диктатов природы и санкций, налагаемых социальными ролями, деонтологический субъект водворяется на место суверена, становится творцом всех существующих моральных смыслов... принципы справедливости... создаются актом чистой воли или актом конструирования, а не соответствуют априорно данному моральному порядку» (Сэндел, М. Дж. Либерализм и пределы справедливости [Текст] : пер. с англ. / М. Дж. Сэндел. // Современный либерализм / Дж. Ролз [и др.]. – М., 1998. С. 210).

Неореалистская версия рациональности также основана на идее антропоцентризма. Данная версия раскрывается в практике подчинения (покорения) общества абстрактному теоретизированию, идеологии («общественному идеалу»). Методология рациональности осуществляется в соответствии с неореалистской практикой материального восполнения схем-паттернов трансцендентальной реальности.

В соответствии с технологическим осмыслением социальной рациональности, основанном на дуализме и отвлечении от всеобщей связи явлений, субъект «отрывается» от объекта, противопоставляется ему. Об этой традиции обособленного понимания субъекта пишут авторы монографии: «...в этом случае противопоставление его и социального объекта его познания предстает как противопоставление одной части

социальной реальности самой этой реальности. Тезис о возможности и необходимости такого противопоставления не имеет достаточного основания», поскольку, согласно диалектике, «...субъект, познающий социальную реальность, является неотъемлемой частью ее самой». Очень важным представляется то, что авторы осознают необходимость обращения в исследовании проблемы рациональности к принципу всеобщей связи явлений: «Только живой, полноценный, всеобъемлющий опыт ученого позволяет охватить Космос в его целостности и неделимости. Истинно научная картина мира должна создаваться при участии всех форм человеческого сознания: дотеоретического (обыденного), теоретического (научного и философского) и внетеоретического (религиозно-мифологического, художественного). Это создает возможность нового «диалога» с природой, расширяющего рамки традиционного научного понимания отношений познающего и познаваемого». Показанное в данном тезисе диалектическое понимание единства мира, всеобщей связи специфицирует отечественный научный подход, открывает широкую перспективу плодотворного применения его богатейшего потенциала. Развивая свою концепцию рациональности, авторы показывают и другие ее диалектические оформления – единство рационального и иррационального, оформленного и бесформенного, логизированного и чувственного (иррационального): «...эволюция научной рациональности представляет собой процесс, в контексте которого рациональность перестает существовать как только гносеологическое явление. Возникает сложный синтез рациональности и иррациональных содержаний, разделение которых возможно лишь на уровне отвлеченного теоретизирования. В данных обстоятельствах мыслительная позиция в отношении рациональности, вопрос о которой был поставлен нами ранее, должна выражать данный синтез и учитывать существующие значения рациональности... реальность есть единство оформленного и бесформенного, определенного и неопределенного, логизированного и нелогизированного

(иррационального)». Согласно диалектике, полнота социального бытия есть одно из оформлений социального совершенства. Авторы раскрывают свой взгляд на социальную реальность как на полноту рационального и иррационального, в которой нет ничего лишнего (в терминологии Аристотеля): «Рациональные и иррациональные содержания обуславливают основные коллизии социальных систем и являются конституирующими социальное началами. В негативном ключе данный тезис можно сформулировать сквозь призму обсуждаемой оппозиции так, что в структуре социальной реальности нет иных содержаний, кроме рациональных и иррациональных». Диалектика рационального и иррационального является источником развития любой социальной системы. В данной связи авторы обращаются к проблеме совершенствования социальной системы, выявляя уровни ее эволюционного развития, порождающие особые типы рациональности: преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. Стремление к высшему уровню направляется императивом совершенствования социальной системы: «На данном уровне сосредоточен инновационный потенциал общества, выступающий ресурсом его развития и совершенствования». Понимание культуры как рационально-иррационального феномена также раскрывается авторами на основе диалектической идеи развития как совершенствования: «...с диалектической точки зрения данная тенденция должна быть уравновешена стремлением культуры к отказу от устаревшего, к новшествам, к развитию. Диалектика традиции и новации реализует себя в материально-целесообразном, духовно-творческом и традиционно-мировоззренческом образованиях жизни народа, выработанных и закреплённых в течение всей его истории». Творчество как основа культурной деятельности раскрыто в третьей главе монографии в аспекте диалектической идеи совершенствования: «Этика Творчества выходит за узкорациональное видение мира, есть этика энергетическая и динамическая. Повышение энергии жизни, качественное и количественное,

творческий подъем энергии становится при этом одним из критериев нравственной оценки».

По сути дела, авторы монографии, «не называя вещи своими именами», подходят к фундаментальной идее о том, что существует особый тип социальной рациональности, принципиально отличный от технологического. Данный тип адекватен космической (диалектической) модели мира, в соответствии с которой мир понимается как в своей мере вырожденная и в своей мере совершенная (непрестанно совершенствующаяся) реальность. Авторы раскрывают мир как космос, совокупность совершенств, реальность не утилитарного, а таинственного порядка: «Мир – эта «вечно тревожная загадка» - требует от человека в своем познании гармоничного сочетания интеллектуальных и духовных усилий». Именно такое понимание мира свойственно для диалектической социальной рациональности. Исторически она сформировалась в условиях коллективистского общества. Космическая (диалектическая) рациональность предстает как часть информационной реальности, являющаяся отражением совершенствующейся социальной действительности. В отличие от рациональности технологического типа, космическая социальная рациональность не является ни идеальным репрезентантом, ни произвольной репрезентацией действительности. Будучи отрицанием дуалистического подхода, она не замещает собой реальное бытие социальных объектов. Космическая рациональность предстает как отраженное разнообразие социальной жизни. Она находит свою законченность-полноту в космических оформлениях, свойственных социальному космосу коллективистского общества, в таких, как единство рационального и иррационального (их полнота), определенного и неопределенного, совершенство, сложность, упорядоченность, организованность, стройность, диалектическое противоречие духовного и материального. Все данные оформления предстают в качестве факта необходимости (законосообразности) устройства этого космоса. Отражая в себе все основные определения социального космоса (сложность,

противоречие, упорядоченность и т.д.), диалектическая социальная рациональность связывает с ним субъекта. Субъект «встраивается» в общество посредством системы диалектической социальной рациональности.

Итак, метафизический дуализм раскрывает природу социальной рациональности на основе принципа удвоения действительности. В данном случае рациональность репрезентирует объект (или же является его репрезентантом) и предстает как вероятностное знание о нём. Абсолютно иной подход в диалектике. Диалектическая рациональность основана на принципе единства мира и предполагает понимание системы рациональности в качестве отражения действительности. Одним из наиболее важных определений диалектической рациональности является то, что она отражает реальные условия жизни общества. Отраженные в ней закономерности жизни общества не являются результатами отвлеченного теоретизирования. В этом её главное отличие от технологической рациональности, основанной на «изобретательстве», «сочинении законов общества» (хотя в ряде случаев правдоподобно выражающих жизнь индивидуалистического универсума). Здесь проходит основной «водораздел» между индивидуалистическим и коллективистским (технологическим и космическим) типами социальной рациональности.

Научный труд, представленный авторами можно считать важным и интересным исследованием проблемы социальной рациональности. На наш взгляд, в монографии намечены основы диалектического подхода к данной проблеме. Это особенно важно в нынешней ситуации, когда отечественное теоретизирование целиком и полностью ориентируется на стандарты чуждой, антидиалектической (технологической) научности. Чтобы устоять в теоретическом противостоянии с ней, необходимо «встать на родную почву» диалектики, глубоко осознать вековые основы ее мудрости и тем самым отстоять Отечество в жизнеутверждающих началах его бытия.

Д.Е. Григоренко

ВВЕДЕНИЕ

Социальная рациональность – неотъемлемый компонент социальной реальности, конституирующий в совокупности с иррациональными ее содержаниями основные структурно-динамические качества социальных систем. В науках об обществе сегодня существует теоретический плюрализм в отношении содержания понятия «рациональность», что, наряду с известными достоинствами, создает методологическую проблему, связанную с отсутствием метатеории социальной рациональности. Данное обстоятельство актуализирует задачу поиска теоретико-методологических оснований изучения социальной рациональности, разработки теоретико-прикладных инструментов исследования и экспликации рациональных содержаний социальных систем. При этом поиск упомянутых теоретических инструментов следует осуществить в пространстве современных постнеклассических подходов к изучению социальной реальности, ориентированных на императив открытой (рефлексивной) рациональности, опирающихся на современные познавательные модели, реализующих принцип полипарадигмальности.

Наряду с этим категория социальной рациональности является инструментом изучения адекватности и жизненного потенциала культуры как способа существования обществ. В современной поликультурной среде глобализирующихся обществ особенно актуальным становится вопрос о рациональности действующей культуры – способности к осуществлению тенденций культуры к воспроизводству, ее расширению и развитию, а также успешной конкуренции с другими культурами. Основопологающим качеством рациональности культуры в данной связи становится ее

объективность (законосообразность), деградация которой влечет за собой опасность уничтожения общества.

Не менее актуален сегодня вопрос о моделях рационального поведения человека в претерпевающем качественные трансформации, усложняющемся социальном мире. Какие технологии социального поведения в данных обстоятельствах следует характеризовать как рациональные? Современная социальная практика показывает, что сегодня таковыми являются, прежде всего, технологии творческого взаимодействия индивида с действительностью. Способность к творчеству, владение способами организации творческого процесса, умение находить нешаблонные решения в ситуациях социального взаимодействия – качества, обуславливающие адекватность поведения индивидов в полиморфной социальной среде.

Главы, представленные в данной монографии, посвящены указанным актуальным содержаниям проблемы социальной рациональности. В первой главе социальная рациональность рассматривается как методологическая проблема в социологии. Здесь, на основе применения универсальной социологической парадигмы, исследуются содержание и структурно-динамические свойства социальной рациональности. Автор различает преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный типы социальной рациональности, выражающие уровни эволюционного развития социальной системы. Вторая глава посвящена проблеме рациональности культуры. Культура предстает как способ существования общества, обеспечивающий его выживание и развитие. Предметом рассмотрения третьей главы монографии выступают технологии творчества как рациональный способ взаимодействия индивида с усложняющимся социальным миром. Автор показывает, что данные технологии служат основой адекватности социального поведения индивидов и способствуют более полной реализации человеческого потенциала.

Научное издание

Общество, культура, творчества в контексте проблемы социальной
рациональности

Труфанов Дмитрий Олегович, Феньвеш Татьяна Анатольевна,
Стариков Павел Анатольевич

Подписано в печать 2010г.

Бумага тип. Печать офсетная

Усл. – печ. л.

Тираж 500 экз.

Формат

Уч. – изд. 8,7 л.

Заказ